

© 2019 г.

В. А. ЖДАНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЕВЕРНОЙ ЛИГИ

Жданов Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, доктор политологии приглашенный профессор МГИМО МИД России (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004248-0

ВВЕДЕНИЕ

Поразительный успех Северной Лиги (LN) на общенациональных выборах 4 марта 2018 г., когда эта региональная партия получила 17,4% голосов избирателей (хотя и при самой низкой — 72,93% — за всю послевоенную историю Италии явке), требует внимательного рассмотрения причин возникновения LN, четверть века назад подорвавшей гегемонию пяти основных институциональных игроков итальянской политики. Результатом мартовских выборов и последовавших за ними долгими консультациями основных их бенефициаров стало формирование правительственного кабинета, который несмотря на свою коалиционность, оказался вполне популистским. По мнению ряда исследователей, Северная Лига стала «парадигмальным выражением» феномена, получившего в литературе наименование «регионального популизма»¹. Последний, проявляя себя на субнациональном уровне политики, обладает тем не менее всеми основными характеристиками «полноценного» популизма, который основывается на концепции народа как нерасчлененной целостности, носителя всех возможных добродетелей. Однако, по мнению сторонников этого политического стиля, эти добродетели не могут реализоваться, так как демократические механизмы современного государства оказались в руках коррумпированных элит и только партия нового типа, ведомая харизматическим лидером, может вернуть народу его права и свободы².

Как и в других странах, в различные периоды своей истории переживавших взлет популизма, его возникновение в современной Италии было вызвано кризисом политической жизни, связанным с особенностями ее социально-экономического и политического развития. Эти кризисные явления вызвали в общественном сознании чувство тревожности, ослаблявшего и без того недостаточно крепкие основы культурной солидарности и общенациональной идентичности. Италия всегда отличалась большей привязанностью к своей малой родине, символизируемой городским колоколом, чем к нации в целом, что не могло быть заметно изменено даже гипертрофированными патриотическими спекуляциями во времена фашистского режима. Однако никогда ранее сепаратизм отдельных территорий, представленный региональными партиями, не являлся главным агентом трансформации политической системы.

CONVENTIO AD EXCLUDENDUM

Многие проблемы новейшей истории Италии обусловлены особенностями ее объединения во второй половине XIX в. Умело играя на противоречиях европейской

¹ См. *Giordano B.* Italian Regionalism or 'Padanian' Nationalism — the Political Project of the Lega Nord in Italian Politics. — *Political Geography*, v. 19, 2000, p. 450.

² *Albertazzi D., McDonnell D.* Introduction: The Sceptre and the Spectre. — *Twenty-First Century Populism. The Spectre of Western European Democracy*. New York, 2008, p. 4–5.

политики того времени, Савойская монархия смогла выработать приемлемый для местных элит политический компромисс и заручиться их поддержкой в ходе Рисорджименто³. Однако такой компромиссный характер объединения Италии стал причиной консервации традиционных социально-экономических структур. Правящий класс Италии, сформированный на основе союза северной буржуазии с крупными землевладельцами Юга («исторический блок»)⁴, считал, что его интересы будут лучше всего защищены не федеративным, а унитарным государством, в котором центр полностью доминировал бы над периферией⁵.

За свою многовековую историю южные элиты в совершенстве отработали форму сосуществования с любой центральной властью взамен на сохранение своих социальных привилегий. Так называемый трансформизм, т.е. взаимовыгодный «обмен» парламентскими голосами между правящей коалицией и партиями оппозиции особенно активно практиковался депутатами Юга (Меццоджорно), получавшими в награду от правительства почти полную свободу действий в своем макрорегионе. Возникшая в результате такого торга видимость политических изменений скрывала консервацию исторически отживших социальных форм⁶. По сути дела, в дофашистский период трансформизм оказался политическим выражением «исторического блока»⁷, когда расширение и упрочение клиентелистских связей между политиками общенационального уровня и южными нотаблями во всё возрастающей степени превращались в социальную основу правящих политических коалиций в Италии⁸.

С момента завершения Рисорджименто два различных типа общества, традиционного на Юге и куда более динамичного капиталистического на Севере, в полной мере сосуществовали как сложная система экономической, социальной и политической взаимозависимости, а именно так называемой дуалистической модели развития Италии, в рамках которой эти элементы традиционализма и современности дополняли друг друга. Крайне узкая социальная база итальянского государства того времени ограничивала возможность политического маневрирования и обуславливала недостаток эффективных механизмов предотвращения политических конфликтов, в результате чего оно постоянно колебалось между идеями либерализма и сильного государства, в конечном счете нашедшей свое наиболее полное выражение в фашистском режиме.

Фашистская сверхцентрализация («все в государстве, ничего вне государства, ничего против государства») поставила задачу демократизации Италии в очень драматический контекст, когда сформированная в годы войны антифашистская коалиция уже к концу 1945 г. начала распадаться под грузом трудноразрешимых проблем поставторитарной трансформации⁹. Этот внутренний политический раскол был усилен внешними факторами, прежде всего — началом «холодной войны». Изгнание коммунистов и социалистов из коалиционного правительства в 1947 г., бывшее предварительным условием получения американской экономической помощи в рамках плана Маршалла¹⁰, ознаменовало начало так называемой итальянской «политической

³ Mack Smith D. *Modern Italy. A Political History*. Ann Arbor, 1997, p. 51.

⁴ Ginsborg P. *Gramsci and the Era of Bourgeois Revolutions in Italy. — Gramsci and Italy's Passive Revolution*. London, 1979, p. 52.

⁵ Weibel E. *La création des régions autonomes à statut spécial en Italie*. Paris, 1971, p. 20–21.

⁶ Taggart S., Sammit D. *Italy: Garibaldi's Mistake? The Trials and Tribulations of a State Yet to be Refounded and a People Finally Made, 1861–2011 and Beyond*. Alessandria, 2012, p. 6.

⁷ Keating M. *State and Regional Nationalism: Territorial Politics and the European State*. London, 1988, p. 118.

⁸ Hine D. *Governing Italy. The Politics of Bargained Pluralism*. Oxford, 1993, p. 15.

⁹ Keating M. *Op. cit.*, p. 135.

¹⁰ Lepre A. *Storia della prima Repubblica. L'Italia dal 1943 al 2003*. Bologna, 2004, p. 87–88.

аномалии» («несовершенной двухпартийной системы», «поляризованного плюрализма», «заблокированной демократии») ¹¹.

Основной чертой этой «политической аномалии» являлось отсутствие системной оппозиции, которая могла бы представлять противовес правящей партии, будучи в то же время ее легитимным партнером в политической игре. «Поляризованный плюрализм», определяемый как *conventio ad excludendum* (т.е. договоренность, согласно которой одна или несколько партий считались неподходящими для участия в правительственном кабинете), «препятствовал функционированию послевоенной парламентской демократии в Италии, которая была далекой от того, чтобы быть системой, допускавшей реальное обсуждение проблем между парламентским большинством и оппозицией» ¹². Нормализация политической жизни в стране и налаживание функционирования государственного аппарата также предполагали неписанное соглашение с бюрократией, которая не подверглась люстрации после краха фашистского режима ¹³ и была враждебна идее масштабной реконструкции итальянской государственности ¹⁴.

Асимметричная природа последней во многом предопределялась наличием сепаратистских движений на окраинах, прежде всего на Сицилии ¹⁵. Учредительное собрание республики, работавшее с 25 июня 1946 г. по 31 января 1948 г., фактически признало особый характер этих территорий, значительно сузив тем самым пределы обсуждения возможной формы итальянской государственности ¹⁶. Утверждение 15 мая 1946 г. конституционной ассамблеей Сицилии как региона специального автономного статуса ограничило сферу политического маневрирования еще больше ¹⁷. Поспешность такого решения затем неоднократно подвергалась критике, так как слабая увязка специальных статусов со статьями конституции и отсутствие четко очерченного характера отношений этих областей с Римом заложили основу многих дальнейших конфликтов.

Немаловажным фактором, который на несколько десятилетий определил форму итальянской государственности, стала география доминирования политических партий страны. Значительное влияние коммунистов в центральных областях Италии объясняло как их требование создания сильных регионов, так и не менее ярко выраженное нежелание христианских демократов согласиться на серьезную региональную реформу. Таким образом, наличие территориально сконцентрированной оппозиции внесло существенный вклад в формирование централизованной итальянской политической системы ¹⁸. В отсутствие сильных региональных партий реформа административно-территориального устройства стала в Италии заложником соотношения сил политических игроков на национальном уровне, которые использовали ее в качестве дополнительного рычага для своей собственной выгоды, а не как средство удовлетворения потребностей территорий ¹⁹.

Несмотря на то что итальянская конституция предусматривала создание двух типов регионов — обычных и регионов специального статуса, — в действительности их

¹¹ *Briquet J.-L.* Fine dell'anomalia italiana? — *Stanchi di miracoli: il sistema politico italiano in cerca di normalità.* Milano, 1997, p. 49–59.

¹² *Ventresca R.* From Fascism to Democracy: Culture and Politics in the Italian Election of 1948. Toronto, 2004, p. 150.

¹³ *Di Palma G.* Italy: Is There a Legacy and Is It Fascist? — *From Dictatorship to Democracy: Coping with the Legacies of Authoritarianism and Totalitarianism.* London, 1982, p. 122.

¹⁴ *Cassese S., Torchia L.* The Meso Level in Italy. — *The Rise of Meso-Government in Europe.* London, 1993, p. 96.

¹⁵ *Perdomo J. V.* La región en la organización territorial del estado. Bogotá, 2001, p. 76.

¹⁶ См. *Baldi B.* Regioni e federalismo. L'Italia e l'Europa. Bologna, 2006, p. 80–81.

¹⁷ *Bifulco R.* Le regioni. Bologna, 2004, p. 10–12.

¹⁸ См. *Baldi B., Baldini G.* Italia. — *Da stato unitario a stato federale. Territorial inazione della politica, devoluzione e adattamento istituzionale.* Bologna, 2008, p. 77–78.

¹⁹ *Ciufoletti Z.* Federalismo e regionalismo: da Cattaneo alla Lega. Roma, 1994, p. 165–166.

формальные различия были затушеваны намного более очевидными различиями между основными итальянскими макрорегионами — Севером и Югом. Они представляли собой две различных модели агрегирования социальных требований: в первом случае эти требования находили выражение через их обобщение политическими партиями, а во втором — через использование партийными аппаратчиками уже существовавших патрон-клиентских связей, что практиковалось всеми крупными партиями за исключением коммунистов²⁰. В результате региональное политическое измерение Юга по-прежнему находило отражение в традиционных механизмах власти, основывавшихся на клиентелизме и гегемонии партий²¹. Включение социалистов в состав правящей коалиции не изменило этот политический механизм, так как ИСП (Итальянская социалистическая партия) очень скоро освоилась с существующими клиентелистскими методами.

Распространению крупномасштабной политической коррупции, которая зиждилась на клиентелистских сетях, содействовала обострившаяся в условиях «холодной войны» поляризация политической культуры, а также внезапно ставший доступным большой объем финансовых ресурсов, выделяемых Югу на цели его социально-экономической реконструкции²². Комбинация исторических особенностей развития южной Италии способствовала тому, что клиентелизм достиг здесь своего апогея и проник во все сферы жизни. Колонизация государства и общества христианскими демократами, которые стали ядром патрон-клиентских отношений, была особенно масштабна именно в Мессинах, где в первое послевоенное десятилетие региональные нотабли довоенного трансформизма увидели в христианско-демократической партии (ХДП) свою новую политическую нишу, начав играть роль посредников между Римом и своими регионами. Это перевоплощение старой политической элиты произошло в рамках высокоцентрализованного государства, в котором новые демократические институты лишь способствовали возникновению дополнительных каналов клиентелизма.

В 1950-х годах христианские демократы создали специальное подразделение для развития отсталых территорий, которому передали контроль над южными организациями партии. Это изменение заложило основы более эффективной системы патронажа, в которой старая слабая сеть отдельных покровителей оказалась заменена партийным механизмом, управляемым из Рима²³. В силу политической гегемонии христианских демократов на национальном уровне в распоряжении тех, кто обеспечивал работу этого механизма, оказались все необходимые ресурсы²⁴. Расширение вмешательства государства в социально-экономические вопросы в целом и в программы социально-экономического развития Юга в особенности позволило соединить клиентелистские структуры с этим новым видом политического патронажа, важнейшим элементом которого стала система *lottizzazione*, при которой распределение административных постов в государственных органах осуществлялось пропорционально влиянию той или иной партии в правящей коалиции. Эта система стала неотъемлемой частью режима *partitocrazia*.

Такие изменения в правилах политической игры привели к блокированию развития Юга, так как в противном случае подрывались бы структуры зависимости, на которых основывалась система клиентелизма. Голосование в этой системе оказывалось не проявлением демократии, а выражением принадлежности к той или иной клиентеле²⁵.

²⁰ Woods D. Regional 'Leagues' in Italy: the Emergence of Regional Identification and Representation outside of the Traditional Parties. — *Italian Politics: A Review*, v. 6. London, 1992, p. 111.

²¹ Hopkin J., Mastropaolo A. From Patronage to Clientelism: Comparing the Italian and Spanish Experiences. — *Clientelism, Interests, and Democratic Representation: The European Experience in Historical and Comparative Perspective*. Cambridge, 2001, p. 155–158.

²² Finley M. I., Mack Smith D., Duggan C. *A History of Sicily*. New York, 1987, p. 221.

²³ Keating M. Op. cit., p. 142.

²⁴ Finley M. I., Mack Smith D., Duggan C. Op. cit., p. 222.

²⁵ Della Porta D. The Vicious Circle of Corruption in Italy. — *Democracy and Corruption in Europe*. London, 1997, p. 45.

Партии правящей коалиции блокировали все попытки полноценных региональных реформ, так как последние поставили бы под сомнение саму основу власти ХДП в Меццоджорно, а именно, контроль за распределением кредитов и льгот и зависимость южного общества от партийного аппарата²⁶. Неэффективность государственного управления способствовала дальнейшему распространению коррупции и клиентелизма, когда «ХДП и его партнеры по коалиции грабили государство ради [обеспечения] патронажа»²⁷. Бесперебойное функционирование последнего требовало создания привилегированных каналов доступа к общественным службам, которые получили немногие «избранные», кто был готов брать и давать взятки, и исключавшим всех остальных²⁸.

NORDICI E SUDICI

Хотя факторы, которые обычно рассматриваются в качестве причин возникновения политического регионализма — такие, как, например, сильный экономический дисбаланс регионов, рост социальной напряженности, проблемы урбанизации, различные исторические традиции — были типичны для итальянского Юга, они не привели к появлению там в рассматриваемый период заметного регионального сепаратизма. Объяснение такой ситуации следует искать в особенностях политической культуры Меццоджорно. Южную Италию отличали два феномена: с одной стороны, присутствовало явно выраженное недоверие общества к государству; с другой — парадоксальным образом именно последнее рассматривалось в качестве гаранта благосостояния и развития Юга. Это различие политических культур привело к появлению двух противоположных стратегий: северные регионы осуществляли коллективные действия на горизонтальном уровне, южные предпочитали стратегию патрон-клиентских вертикальных связей, соединявших столицу с частными, локально укорененными социально-экономическими интересами²⁹. В то время как экономика Севера ориентировалась (и ориентируется) на индустриальное развитие, экономика Меццоджорно базировалась на распределении ресурсов и финансовых трансфертах из Рима.

Закономерным результатом этих различий стало зарождение и распространение настроений регионального сепаратизма на Севере. Но эти процессы не начались сразу после фактического учреждения обычных регионов в 1970 г., когда регионализм был представлен лишь небольшими партиями приграничных районов (как правило, имевших специальный статус) типа Сардинской партии действия или Южно-Тирольской народной партии. Ситуация стала меняться в конце 1970-х годов с появлением *Liga Veneta* и *Lega Lombarda*, создавших в 1989 г. альянс *Movimento Lega Nord*, преобразованный затем в 1991 г. в партию *Lega Nord per l'Indipendenza della Padania* (Северная Лига за независимость Падании) и постепенно начавших играть важную роль в радикальном изменении традиционных политических структур Италии³⁰. Именно LN

²⁶ Keating M. Op. cit., p. 155.

²⁷ Warner C. M. Mass Parties and Clientelism: France and Italy. — Clientelism, Interests, and Democratic Representation. The European Experience in Historical and Comparative Perspective. Cambridge, 2001, p. 138.

²⁸ Della Porta D. Op. cit., p. 39.

²⁹ Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993, p. 23.

³⁰ Gold T. W. The Lega Nord and Contemporary Politics in Italy. New York, 2003, p. 79–85. «В стране, где сдвиг всего лишь в несколько процентов голосов на выборах рассматривался как крайне важный и где региональные партии, имеющие своих представителей в избранных органах власти, существовали только в двух периферийных регионах, появление и быстрый рост в Северной Италии сначала лиг, а затем LN в 1980-х и в начале 1990-х годов нанесли сильнейший удар всей итальянской политической системе» (Albertazzi D., McDonnell D., Newell J. L. Di lotta e di governo: The Lega Nord and Rifondazione Comunista in office. — Party Politics, v. 17, 2011, p. 474).

смогла поставить «Северный вопрос» в центр итальянского политического дискурса, заменив им тем самым более чем вековой «южный вопрос»³¹.

Появление Лиги было обусловлено глубокими социально-экономическими изменениями в 1970-х годах на итальянском Северо-Востоке, которые выразились прежде всего в возникновении там так называемой «Третьей Италии»³², т.е. развития в этой части страны ориентированных на экспорт малых и средних компаний, что отличало ее от зоны крупного промышленного производства, очерченного треугольником Милан — Турин — Генуя³³. «Этот сектор, дававший значительную часть итальянского ВВП и еще большую долю экспорта, никогда особо не идентифицировал себя с Италией как государством, и прежде всего — с политикой Рима»³⁴. В 1980-х годах стало очевидно, что предшествующая экономическая политика исчерпала свой потенциал из-за усиления фискального давления непомерно разросшегося социально ориентированного государства, тяжелым бременем легшего прежде всего на малый и средний бизнес «Третьей Италии» и в меньшей мере затронувшим регионы Меццоджорно³⁵.

Ко времени заката Первой республики итальянский Юг все еще не преодолел разрыва с Севером несмотря на четыре десятилетия специальной политики, нацеленной на его развитие. Благодаря протекционистским мерам он продолжал оставаться защищенным для отраслей северной индустрии рынком сбыта³⁶. Но в начале 1990-х годов логика объединения Европы и особенно перспективы участия в валютном союзе ЕС начали оказывать влияние на традиционные способы формирования государственного бюджета Италии, промышленная политика которой и финансовые трансферты Югу стали восприниматься другими членами Европейского Союза как нарушение принципов честной конкуренции.

Несмотря на то, что формально итальянская конституция предусматривала определенную степень финансовой автономии обычных регионов, в действительности они не имели почти никакой свободы действий в своих финансовых операциях: «Большинство трансфертов национального правительства в регионы было жестко ориентировано на поддержку специальных программ или проектов, что давало центральному правительству возможность настаивать на совместном управлении этими финансовыми ресурсами»³⁷. В 1993 г. налоговые поступления от всех трех субнациональных уровней Италии — регионального, провинциального и муниципального — составляли всего 3,7% от общего объема налоговых поступлений (в среднем в тот период налоговые поступления от этих уровней составляли для унитарных государств 12% и 31,4% — для федераций)³⁸. Широкие полномочия, которыми Рим располагал на региональном уровне, не были сбалансированы участием региональных элит в принятии

³¹ *Giordano B.* Op. cit., p. 446. «Южный вопрос» означает социально-экономическую и культурную отсталость юга Италии, которая возникла как результат специфической модели исторического развития этой территории: «Южный вопрос был главным проявлением регионализма в современной итальянской истории, потому что он увековечил разделение итальянцев на *nordici* и *sudici*» (*Mack Smith D.* Regionalism. — *Modern Italy: A Topical History Since 1861.* New York, 1974, p. 135).

³² Этот термин был предложен в книге: *Bagnasco A.* *Tre Italie, la problematica territoriale dello sviluppo italiano.* Bologna, 1977.

³³ *Huyseune M.* *Modernity and Secession. The Social Sciences and the Political Discourse of the Lega Nord in Italy.* New York, 2006, p. 99.

³⁴ *Dente B.* *Sub-National Governments in the Long Italian Transition.* — *West European Politics*, v. 20, 1997, p. 177.

³⁵ *Diamanti I.* *La lega: geografia, storia e sociologia di un nuovo sogetto politico.* Roma, 1993, p. 50.

³⁶ *Trigilia C.* *Governare la diversità: le condizioni non economiche dello sviluppo.* — *Regionalismo e Mezzogiorno.* Milano, 1993, p. 117.

³⁷ *Grote J. R.* *Cohesion in Italy: A View on Non-Economic Disparities.* — *Cohesion Policy and European Integration: Building Multi-Level Governance.* Oxford, 1996, p. 260.

³⁸ *Gold T. W.* Op. cit., p. 51–52.

политических решений центра, и национальный политический класс был по-прежнему более заинтересован в установлении связей с элитами провинций, чем с элитами регионов.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКИ

В течение 1980-х годов социально-психологический климат в Италии изменился больше, чем в любой другой западноевропейской стране, что стало результатом утраты традиционными партиями доверия общества. По словам Д. Вудса, «феномен регионализма следует интерпретировать как ответ на двойной кризис представительства и легитимности в Италии. Оба кризиса проистекали из понимания большинством итальянцев, в особенности жителей Севера, того факта, что политические институты не заботятся об их интересах, а лишь служат интересам только самих политических партий. Клиентелистская и распределительная политика христианских демократов и Итальянской социалистической партии имела своим результатом отчуждение значительного сегмента населения от правящих институтов»³⁹. В то время как 60-е и 70-е годы XX в. были периодом политического насилия и терроризма, 80-е стали временем небывалого по масштабам разгула коррупции, которая приобрела черты институционализированной и системной⁴⁰. В эти годы стало общепризнанным, что партии сформировали политический картель (вошедший в общественную жизнь Италии под названием *pentapartito*), противопоставленный интересам граждан⁴¹. Демократия в случае возникновения такого превращается в «личный проект лидеров отдельных политических партий и корпоративистских ассоциаций, олигополю, в которой руководители малого числа организаций вступают в сговор для недопущения проникновения аутсайдеров в этот узкий круг»⁴².

Кризис итальянской политической системы начала 1990-х годов был вызван не только межпартийными столкновениями, но и таким внешним фактором, как крах «реального социализма»⁴³. Италия была единственной западноевропейской страной, в которой серьезное изменение режима совпало с демократизацией Восточной Европы. Последняя разорвала идеологические скрепы антикоммунизма, долгие десятилетия позволявшие христианским демократам выступать объединителем всех правополитических сил в стране⁴⁴. Неожиданно итальянская «заблокированная демократия» стала «раскрываться»: «Идеологическая биполярность, которая соединяла две главных политических культуры (“белую” культуру христианской демократии и “красную” культуру коммунистов) утратила свое значение после краха коммунизма; помимо этого, финансовый кризис государства и системы социального обеспечения радикально уменьшил дистрибутивную способность общественных институтов и как следствие — власть политических партий, которые контролировали эти институты»⁴⁵. В результате этих изменений «белая» политическая субкультура постепенно уступила место региональному типу идентичности⁴⁶.

Специфика краха режима *pentapartito* заключалась в том, что он не был, используя выражение В. И. Ленина, «уронен» в результате действий левых сил, которые и сами

³⁹ Woods D. Op. cit., p. 104.

⁴⁰ Della Porta D. Op. cit., p. 35.

⁴¹ Традиционно в состав такой коалиции в этот период входили представители христианских демократов, социалистов, социал-демократов, либералов и республиканцев.

⁴² Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge, 1991, p. 90–91.

⁴³ Tullio-Altan C. La nostra Italia, clientelismo, trasformismo e ribellismo dall'Unità al 2000. Milano, 2000, p. 248–249.

⁴⁴ Woods D. Op. cit., p. 110.

⁴⁵ Briquet J.-L. Op. cit., p. 51.

⁴⁶ См. Marletti C. Perché non siamo un paese “normale”. — Stanchi di miracoli..., p. 70.

иногда — особенно на региональном и местном уровне — вступали в неформальные соглашения с представителями правящей коалиции, а оказался жертвой партий, ранее располагавшихся на периферии итальянской политики. Страна стала свидетельницей появления новых политических сил, которые не существовали там вообще или не были ранее допущены в пул ее основных институциональных игроков: Forza Italia (FI), Северная Лига и Национальный Альянс (AN)⁴⁷.

Формирование Северной Лиги прошло несколько этапов. На учредительной фазе ее развития в 1980 г. появилась Венетская Лига (Lega Veneta), инициатором которой выступил венецианский филолог Франко Роккетта⁴⁸. 12 апреля 1984 г. официально зарегистрировалась возникшая за два года до этого Lega Autonomista Lombarda во главе с Умберто Босси, которая два года спустя изменила свое наименование на Ломбардскую Лигу (Lega Lombarda), используя давно вошедшее в историю Италии название⁴⁹. Еще в 1981 г. была создана регионалистская партия Пьемонта, которая в 1987 г. заключила союз с Ломбардской Лигой. Тогда же возник Лигурийский союз (Uniuin Ligure). И, наконец, в 1989 г. сформировалась Лига Эмилии-Романьи (Lega Emiliano-Romagnola). В июне того же года все эти партии попробовали свои силы в коалиции Ломбардской Лиги — Северного Альянса (Lega Lombarda — Alleanza Nord) на выборах в Европейский парламент, на которых они получили 1,83% голосов. Лидером этой коалиции стала Ломбардская Лига, получившая во время своего политического дебюта в 1987 г. на общенациональных выборах 2,9% голосов жителей Ломбардии⁵⁰, чтобы всего лишь три года спустя достичь там уже 21% на региональных выборах⁵¹. В феврале 1991 г. все эти партии объединились в Северную Лигу. Именно LN со своими впечатляющими 25% голосов принявших участие в парламентских выборах 1992 г. избирателей Северо-Востока (8,7% голосов по стране в целом), положила конец итальянской политике как стратегической игре исключительно национальных элит⁵².

Успех LN на выборах в начале 1990-х годов во многом стал следствием неэффективного государственного управления центра. Лозунг федерализма оказался для Северной Лиги синонимом новой либеральной политики в северных регионах, в то время как централизм рассматривался как равнозначный южному паразитизму⁵³. По мнению У. Босси, в Италии всегда сосуществовали и противостояли друг другу две культуры, которые были представлены в стране без какой-либо строгой территориальной привязки: основывающаяся на традициях средневековых итальянских коммун, Возрождения и австрийской администрации склонная к риску европейская культура предпринимательства и опирающаяся на традиции Ватикана, Бурбонов и Савойской династии, всецело полагающаяся на помощь государства восточная культура, которая постоянно пользовалась поддержкой бюрократии и паразитических социальных слоев. Существовавшая ранее преимущественно на юге Италии, эта культура в конце

⁴⁷ Lotti L. I partiti della Repubblica: La politica in Italia dal 1946 al 1997. Firenze, 1997, p. 173–174.

⁴⁸ Diamanti I. Op. cit., p. 45.

⁴⁹ Средневековая Ломбардская Лига была создана в 1167 г. городами Северной Италии для борьбы с императором Священной Римской империи Фридрихом Барбароссой. Ее триумфом стал разгром его армии 29 мая 1176 г. в битве при Леньяно, в которой решающую роль сыграл отряд «Компания Смерти» под командованием кондотьера Альберто да Джуссано. Изображение монумента «Воин Леньяно», установленного в этом городе (часто его считают памятником Альберто да Джуссано), ныне красуется на эмблеме Северной Лиги (*Gold T.* Op. cit., p. 81).

⁵⁰ Biorcio R. La Padania promessa. Milano, 1997, p. 50, 48.

⁵¹ Lotti L. Op. cit., p. 163.

⁵² Tullio-Altan C. Op. cit., p. 252.

⁵³ Bencardino F. Federalismo e regionalismo in Italia: prospettive di nasetto politico amministrativo. Napoli, 1997, p. 26. «Вожди региональных “лиг” возлагали вину за дисфункцию системы на патрон-клиентские сети, которые партии установили с периферией. Эти связи, как утверждал Босси и другие, давали преимущество традиционно ограниченному и экономически отсталому Югу» (*Woods D.* Op. cit., p. 109).

1950-х — начале 1990-х годов распространилась на Севере, подпитываемая корыстным политическим интересом христианских демократов, нацеленных на сохранении в Меццоджорно своей клиентелы⁵⁴.

Лига выражала сомнение в способности процветающих регионов Севера и далее выступать основным источником трансфертов Югу⁵⁵. Немаловажным фактором появления таких настроений стал экономический кризис, который привел к существенным финансовым ограничениям, и возросший приток в Италию иммигрантов из стран третьего мира, которых LN считает угрозой не только стабильности и порядку в стране в целом, но и культурной специфике итальянских регионов⁵⁶.

Парламентские выборы 5–6 апреля 1992 г. стали последними выборами в Италии, проводившимися на основе пропорциональной системы. Они стали предвестником катаклизма, уничтожившего послевоенный режим. Впервые в истории Италии ХДП не достигла порога 30% голосов, многие из которых были отобраны у нее Лигой⁵⁷. Кризис политической системы Первой республики наглядно показал правящему классу необходимость изменений избирательного закона, которые бы сделали возможным перегруппировку партий и открыли бы новым политическим силам место во властных структурах. На референдуме 18 апреля 1993 г. 90,3% из 76,9% его участников проголосовали за отмену государственных субсидий партиям и 82,7% — за отмену пропорциональной избирательной системы⁵⁸. Пропорциональное представительство, на основе которого ранее проводились выборы в обе палаты итальянского парламента, уступило место смешанной системе, где три четверти мест стали заполняться по мажоритарной, а одна четверть — по пропорциональной системе⁵⁹.

Парламентские выборы 27 марта 1994 г., проведенные на основе нового избирательного закона, привели к результатам, которые подорвали политическую систему Первой республики. Левые партии, являвшиеся основными проponentами избирательной реформы, не сомневались в своем превосходстве над старыми и новоявленными партиями правых. Но именно последние одержали внушительную победу на выборах. Вопреки страхам руководителей Северной Лиги, которые опасались потери значительного числа голосов из-за новых принципов избирательной системы, LN неожиданно оказалась в наибольшем выигрыше, получив в палате депутатов 117 мест, в то время как Национальный Альянс — 109 и Forza Italia — 99. Эта победа новой генерации итальянских правых стала результатом их дискриминационной тактики построения избирательных коалиций. Поскольку для Лиги и Национального Альянса было совершенно невозможно найти какие-либо точки соприкосновения их политических платформ, кроме враждебности к неевропейским иммигрантам и лозунге приватизации как наилучшего средства борьбы с неэффективностью государственных учреждений, Forza Italia, которая также была активным сторонником неолиберальной экономической политики, сформировала две географически обособленных коалиции: на Севере это был союз с Лигой, на Юге — с Национальным Альянсом⁶⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разрушение прежней партийной системы означало трансформацию Первой итальянской республики во Вторую республику. Выборы показали, что агрегирование

⁵⁴ Bossi U., Vimercati D. La rivoluzione. Milano, 1993, p. 206–207.

⁵⁵ Ciuffoletti Z. Op. cit., p. 177.

⁵⁶ Woods D. Op. cit., p. 108.

⁵⁷ Gold T. W. Op. cit., p. 91.

⁵⁸ Lotti L. Op. cit., p. 171.

⁵⁹ Katz R. S. Reforming the Italian Electoral Law, 1993. — Mixed Member Electoral Systems. The Best of Both Worlds? Oxford, 2001, p. 114–115.

⁶⁰ Tambini D. Nationalism in Italian Politics: The Stories of the Northern League, 1980–2000. London, 2001, p. 62, 64.

политических и общественных интересов ввиду их возросшего разнообразия стало намного более сложным делом, чем это было ранее. Стало очевидным, что антифашистские идеалы отцов-основателей Первой республики утратили свое значение, и правые партии стали постоянным элементом политической системы Италии. Размывание легитимности ее правящей элиты, спровоцированное скандалами начала 1990-х годов и конец «поляризованного плюрализма» в результате краха мировой социалистической системы стали мощным катализатором выхода зародившегося в предыдущее десятилетие регионального популизма на общенациональную политическую арену.